

ПИСЬМА БЛОКА К Е. В. СПЕКТОРСКОМУ

Вступительная статья, публикация и комментарии

С. Б. Шоломовой

Евгений Васильевич Спекторский был одним из преданнейших учеников отца поэта. По окончании юридического факультета Варшавского университета, в 1900 г. он был оставлен при кафедре для написания магистерской диссертации под руководством профессора государственного права Варшавского университета Александра Львовича Блока.

За тридцатилетнюю педагогическую деятельность в стенах университета не одно поколение правоведов и юристов было подготовлено профессором Блоком, но, как правило, большинство воспитанников оставались чуждыми его научным и философским исканиям. И только трое впоследствии, как и он, занимались научной и педагогической деятельностью в различных университетах России — это проф. М. А. Рейснер (1868—1928), Ф. В. Тарановский (1875—1936) и Е. В. Спекторский (1875—1951).

С двумя из них — Михаилом Андреевичем Рейснером и Евгением Васильевичем Спекторским — поэт Александр Блок был лично знаком, а с последним состоял и в переписке.

Согласно хронике «Варшавских университетских известий» в первом полугодии 1901—1902 учебного года практические занятия со студентами по государственному праву вел «бывший кандидат-стипендиат Спекторский». Он объяснял студентам Свод законов и учения выдающихся мыслителей, деятельно участвовал в оценке студенческих письменных научных работ. По сути дела он оказался единственным непосредственным помощником профессора Блока, еще не будучи официально сотрудником кафедры. В конце 1901 г. Спекторский уехал на стажировку в Германию, а затем во Францию, изредка сообщая обо всем своему учителю.

Считая некоторые из этих писем весьма значительными, профессор Блок пересылал их сыну в Петербург, полагая, что Блоку-студенту они могут быть не только интересны, но в чем-то и полезны. (См. наст. том, кн. 1, письмо А. Л. Блока от 28 июня 1902 г.).

В августе того же года по поводу присланных писем сын отвечал отцу: «*... Очень благодарю Вас за письма Спекторского, очень характерные для Западной Европы и интересные для меня «как апокалиптика», иногда «чающего воскресения мертвых и жизни будущего века» (VIII, 41). В последней фразе цитируется христианская молитва, что своеобразно отражает общую настроенность поэта на раннем этапе его творческих исканий.*

Впервые Александр Блок задумывался и открывал для себя основные философские категории Искусства и Красоты, Добра и Истины. Его письма к отцу в этот период естественно дополняют дневниковые записи. Так, 26 июня 1902 г. Блок, размышляя, записал в дневнике: «В основном существе своем эстетика и этика не разнятся; первое — искусство красоты, второе — искусство добра. Искусство же есть *подражание великому*: в нем земля подражает небу (оттого-то два указанные дела и суть наилучшие на земле). Но Красота и Добро еще неумело («мифологически», следуя нашей терминологии), подражают Истине» (VII, 50).

Постигая законы взаимосвязанности этики и эстетики, религии и мифологии, науки и искусства, он не мог не испытывать известного влияния со стороны Блока-старшего.

13 июля того же года, быть может, не без связи с письмом отца от 28 июня и письмами Спекторского, в «Записной книжке» появилась новая беглая запись поэта: «Красота (искусство) и Добро подражают Истине, но исчерпывают лишь малые ее элементы, которые в синтезе (не логическом) дают новое «*нечто*», чего нет ни в Красоте, ни в Добре. Наука же есть только необходимый метод — чернорабочий» (ЗК, 31). А спустя несколько дней, 5 августа, Александр Блок признавался отцу: «*... обжигаясь на философии, я устремляюсь в классическую филологию, которая пострастнее и попросторнее. Иногда можно даже «обдумывать тайные стихи», не ссорясь с ней» (VIII, 40).*

Было бы правомерно предположить, что письма Спекторского, о которых шла речь выше, сохранились в архиве Блоков (ИРЛИ АН СССР, Пушкинский Дом). Однако ни единого письма ученика профессора Блока ни в фонде Александра Блока, ни в фонде А. Л. Блока нет. Примечательно, что и в архиве Е. В. Спекторского (РО ЦНБ АН УССР, ф. 43) сохранилось немного: только одно письмо профессора Блока и три письма поэта.

По ряду косвенных данных можно предположить, что переписка Спекторского со своим учителем в период его заграничных командировок если и не была интенсивна, то отличалась известной регулярностью.

Начальные строки единственного сохранившегося письма Блока-старшего Спекторскому звучат как продолжение некогда начатого разговора, или, вернее, спора, скорей всего письменного, связанного с напряженными идейными исканиями молодого правоведа. Профессор Блок писал: «Многоуважаемый Евгений Васильевич! Мне кажется, что Ваши «социологии» страдают от ограничения французскими пределами и терминами. Отчего бы Вам теперь не погрузиться еще в немцев, русских и иных арийцев, а равно семитов — не пренебрегая «социалистами» или «культ. историками» <...> хотя бы с целью проследить (сравнительно) их интернациональные, (пожалуй, и христианские по существу) тенденции на почве м<ожет> б<ыть> пока ветхозаветной или отчасти византийской (т. е. греко-римской)? Эта почва и текущей нашей современности и не одной привислинской. . .»¹ Это письмо датировано апрелем 1902 г. Спустя несколько месяцев Федор Тарановский с укоризной сообщал своему однокашнику в Гейдельберг: «...вчера вечером Ал. Льв. является к нам. Встреча самая сердечная, мы в первый раз в жизни облобызались. Важнейшая новость: Введение² сдано в типографию, на днях ожидается первая корректура. Ал. Льв. весьма огорчен, что с мая месяца не получил ни одного письма от Вас. . .» Неожиданной и качественно новой деталью к портрету отца поэта можно считать следующие строки того же письма: «Ал. Льв. сам летом переживал некоторый кризис, передумывая учение марксистов. Ему неприятно думать, что Вы можете считать его нетерпимым к Вашему переходу в либерализм. Во всяком случае, Вы непременно напишите ему; он просит Вас, не стесняйтесь обратиться к нему, если Вы нуждаетесь в деньгах»³. Строки письма Тарановского свидетельствуют также об отеческой привязанности профессора к своим ученикам, о желании бескорыстно помогать им.

Сообщение о духовном кризисе Блока-старшего свидетельствует о сложности и трудности идейных исканий ученого-философа. Документы из архива Спекторского находятся в резком противоречии с устоявшимися определениями, касающимися личности отца поэта. Многогранность и противоречивость облика профессора Блока не укладывались в привычные рамки точных определений и характеристик (см. об этом также в предисловии Т. Н. Конопацкой к письмам отца Блоку).

Стараясь понять психологические мотивы отдельных поступков своего наставника в науке, Спекторский позже писал: «Логика истины беспощадно разбивала логику добра и логику красоты и на каждом шагу заявляла свои печальные права. Ближайшим результатом такой внутренней диалектики Ал. Льв. была его глубокая, нередко беспощадная ирония, объяснявшая и подтверждавшая слова Белинского: «Смех часто бывает великим посредником в деле отличия истины от лжи». Обобщая, автор заключал: «Ирония властно толкала его мысль на путь критики всякого рода иллюзий и притом критики, дающей отрицательные более или менее безотрадные плоды, рассеивающие воздушные замки, и ничего не оставляющей, кроме действительности во всей ее печальной нагоде. Но вместе с тем она сопровождалась какой-то грустью, какой-то тоской по иллюзии, каким-то желанием все-таки не расстаться окончательно с мечтой и верить в нее. Благодаря этому Ал. Льв. был одновременно и реалистом и идеалистом»⁴. Из этой глубокой характеристики в известной степени многое можно было бы отнести и к самому поэту. Недаром же тетка Александра Блока указывала, что «сын унаследовал от отца сильный темперамент, глубину чувств, некоторые стороны ума».

Личное знакомство поэта и Евгения Спекторского произошло только весной 1905 г. Будущий биограф профессора Блока был старше поэта всего на пять лет. К тому времени, когда Александр Блок поступил в университет, Спекторский едва начал свою педагогическую деятельность. К 1905 г. он уже был доцентом Варшавского университета и одним из ближайших коллег отца поэта. О том, что Александру Львовичу было крайне важно

познакомить сына со своим любимым учеником, свидетельствуют строки его письма от 23 марта 1905 г. (см. наст. том, кн. 1).

Вскоре после этой встречи поэт сообщил в Варшаву: «Я познакомился с Е. В. Спекторским и А. Н. Александровым; Е. В. мне понравился, мы хорошо разговаривали. Он — милый»⁵. По-видимому, в нравственных исканиях поэта и философских устремлениях едва начавшего свою научную и педагогическую деятельность правоведа обнаружилось немало общего.

Насколько Спекторский пользовался доверием у обоих Блоков, можно судить по другим строчкам поэта, обращенным к отцу в конце того же года. Он писал: «Вопрос об отъезде в деревню мог бы быть решен в скором времени, если бы остальные вопросы, касающиеся общей политики, были решены. Об этом я бы и хотел писать, но вполне не доверяю [почте и телеграфу]. Думаю, что зайдет об этом разговор с Евг. Вас. Спекторским, которому *буду писать* сейчас и которого рад увидеть, так как он сообщит мне сведения о Вас». (Курсив мой. — С. III. — VIII, 144—145). Однако письмо Блока, датированное 1905 годом, в архиве Спекторского не сохранилось.

Несмотря на приятные впечатления от первых личных бесед со Спекторским, в последующие несколько лет поэт с ним не встречался. Только в 1908 г. они увиделись вновь, когда Спекторский сопровождал стареющего профессора в его поездке в Петербург для свидания с сыном.

Но наибольшее сближение произошло между поэтом и учеником отца в скорбные декабрьские дни 1909 г. Блок приехал на похороны отца. Этим печальным событиям предшествовали коротенькие и тревожные письма Спекторского.

17 ноября 1908 г. Спекторский писал в Петербург: «Многоуважаемый Александр Александрович, в качестве ученика Александра Львовича и наиболее близкого к нему человека в Варшаве я считаю своим долгом сообщить Вам о его болезни. . .»⁶

Поэт тотчас ответил в Варшаву. Это первое из трех публикуемых писем, сохранившихся в архиве Спекторского. Позднее, 19 декабря Блок писал матери: «Мама, и вчера, и сегодня, я получаю все время известия об отце. Он безнадежно болен и, вероятно, умрет через несколько недель. У него чахотка и сердечная болезнь с отеком ног, так что ему трудно дышать. Лежит он в больнице в Варшаве. Об этом написал мне Спекторский»⁷.

Спустя два дня было получено новое сообщение об Александре Львовиче. «С величайшим прискорбием должен сообщить Вам, — писал Спекторский, — что на выздоровление Ал. Льв. уже нет никакой надежды»⁸.

Узнав о смертельной угрозе, нависшей над отцом, поэт мысленно вновь и вновь возвращался к впечатлениям от их последнего свидания. Этими впечатлениями он мог поделиться только с матерью, которой писал: «На Пасхе Ал. Льв. повалился нам с Любой совершенно особенно. Очевидно, именно потому, что в нем уже была смерть и он понимал многое, чего живые не понимают. Я думаю, он находится уже давно на той ступени духовного развития, на которой доступно отдавать и приближать смерть. Вероятно, он и не хочет особенно жить по существу, хотя внешне «мнителен» и сопротивляется»⁹.

После очередного письма Спекторского Блок сообщает в Ревель: «На выздоровление отца уже нет никакой надежды, и доктор считает свою помощь совершенно бесполезной. Свой отъезд в Варшаву я как-то еще внутренне не решил и склонен откладывать. М «ожет» б «ыть», ведь это и вовсе неприятно ему? С другой стороны, если я приеду, он несомненно поймет, что умирает, а это, по-видимому, (по письму Спекторского) от него скрывают из-за мнительности. . .»¹⁰

И лишь после мучительнейших раздумий и сомнений 30 ноября он выехал в Варшаву. 1 декабря 1909 г. в пять часов вечера профессор Блок, не дождавшись сына, скончался.

Все последующие дни Александр Блок и Евгений Васильевич Спекторский были неразлучны.

Первый некролог появился в официальном органе царской администрации, газете «Варшавский дневник». По справедливому предположению польского исследователя А. Галиса его автором был сам Спекторский¹¹. В некрологе говорилось: «Умер один из старейших членов Варшавского университета, заслуженный профессор А. Л. Блок. Любимый ученик знаменитого Градовского, выдающийся ученый и мыслитель, он был прекрасным преподавателем права. Он оставил после себя то, что для ученого дороже всего — собственную «школу» в лице своих учеников < . . . > Как человек, он пользовался

всеобщим уважением своих коллег и всех поколений слушателей»¹². В более прогрессивной газете «Варшавское утро» профессора Блока относили к числу своих идейных противников, но в то же самое время отдавали дань уважения значительности его натуры. По-видимому все эти впечатления были далеко небезынтересны сыну.

О том, что Блоку довелось пережить в эти дни, лучше всего свидетельствуют скупые в своей лаконичности и выразительности строки его письма к матери, написанные им 4 декабря, о благородстве, высоте духа и незаурядности натуры Александра Львовича (VIII, 298). Далее Блок писал: «Чувствую нежность к Спекторскому, который тоже впервые является как-то по-новому. Смерть, как всегда, многое объяснила, многое улучшила и многое лишнее вычеркнула» (там же). Сближению поэта со Спекторским способствовало и то, что обоим пришлось разбирать бумаги Александра Львовича. (Не исключено, что именно тогда и были отданы Спекторскому его письма.) По-видимому, не один раз Блоку довелось беседовать со Спекторским о взглядах и поступках Александра Львовича. Именно от ученика отца Блок, вероятно, узнал, что Александр Львович в своей незавершенной классификации наук отождествлял науку о красоте с наукою вообще. Эстетике он уделял много внимания и в своих лекциях для студентов.

Среди тех, кому довелось слушать его лекции в последний период жизни, был Иван Иванович Коломийцев, позже вспоминавший, что курс профессора Блока лишь формально мог считаться курсом по правоведению, а на самом деле «лектор говорил обо всем — этике, философии и искусстве». «Его лекции были очень оригинальны, подчас неожиданны. Они казались очень глубокими, интересными и ценными, — вспоминал Коломийцев, заключая: — это были лекции не только ученого, но и художника. Их надолго запоминала благодарные слушатели»¹³. И по мнению Спекторского, профессор Блок «в душе был поэтом не менее, чем ученым, а, может, более того»¹⁴.

Сколь регулярными оставались письма поэта к Спекторскому после его отъезда из Варшавы, можно судить лишь по некоторым сохранившимся ответным открыткам Спекторского. Так, 30 декабря 1909 г. он сообщал Блоку: «Многоуважаемый Александр Александрович, письмо Ваше я получил уже в Варшаве, куда вернулся 27 декабря. Сердечно благодарю за дружеские строки. . .»¹⁵. Однако это письмо Блока в архиве Спекторского не сохранилось.

Прошло немногим больше года, в течение которого, быть может, были и личные краткие свидания в Петербурге, куда часто приезжал Спекторский.

Осенью 1911 г. Блок получил лаконичную открытку из Варшавы следующего содержания: «Очень Вам благодарен, многоуважаемый Александр Александрович, за память и стихи. Мою брошюру об Ал. Льв. набирают неизмеримо медленно. Я все-таки надеюсь, что к концу ноября она будет готова»¹⁶.

Представляло немалый интерес выяснить, какие именно стихи подарил Спекторскому Александр Блок. Однако, к сожалению, ни письма, датированного осенью 1911 г., ни стихотворений поэта в архиве Спекторского не обнаружено. Не исключено, что Спекторский мог часть писем и другие материалы, касающиеся поэта, в том числе и его стихи, увезти с собой в эмиграцию. Возможно, что Александр Блок посылал ему не только отдельные свои стихотворения, но и поэтические сборники. Ведь подарил же Блок свою книгу «Земля в снегу» одному из коллег отца по Варшавскому университету — профессору уголовного права В. В. Есипову, с которым познакомился в декабре 1909 г. (см. наст. том, кн. 3).

В свою очередь и для Спекторского было далеко немаловажным знакомить поэта со своими научными работами. Не удивительно, что еще до выхода в свет книги «А. Л. Блок, государствовед и философ» он подарил Блоку одну из ранних своих работ, вышедшую еще в 1907 г. Книга эта с его надписью хранится в собрании И. С. Зильберштейна (см. с. 306).

Примечательно и то, что в 1912 г., когда переписка практически оборвалась, Александру Блоку была подарена новая работа Спекторского — «Белинский и западничество», о чем свидетельствует описание библиотеки поэта в Шахматове. Спекторский, рассматривая проблемы взаимосвязей славянофилов и западников на примерах лучшей русской публицистики, как бы продолжал традиции своего наставника, некогда написавшего «Политическую литературу в России и о России».

Дневниковые записи поэта от 7 и 9 декабря 1911 г. свидетельствуют о том, что он, получив книгу об отце, старался сделать ее известной широкому кругу своих друзей.

12 декабря того же года Блок написал Спекторскому исповедальное письмо, значение которого трудно переоценить. Это был начальный период работы Блока над поэмой «Возмездие».

Мотив *небесплодности* посева поколения 70-х годов прошлого столетия, олицетворением которого во многом представлялась личность Блока-старшего, звучит и в поэме Блока и, по-своему, — в книге Спекторского.

Судя по дневниковой записи Блока 7 декабря 1911 г. в этот день было получено 25 экземпляров книги Спекторского. В библиотеке поэта на одном из сохранившихся экземпляров внизу на титульном листе черной тушью помечено: «получ. 7.XII. 1911», а сверху того же листа подпись — «Александр Блок». Именно этот экземпляр сохранил приметы внимательнейшего чтения поэтом книги об отце.

Почти перед самым получением книги Спекторского Александр Блок продумывал первый план поэмы, убедившись в том, что то, что он уже написал, «совершенно слабо». Именно в такой момент началось знакомство поэта с «героем» книги Спекторского. В данном случае пометы и отчеркивания, словесные замечания Блока приобретают особый интерес.

Книга Спекторского состоит из четырнадцати небольших главок, каждая из которых имеет свою тему и название. Пометы Блока есть на страницах большинства глав. Характерно, что заглавие раздела «Личность А. Л.» подчеркнуто особо, однако никаких отчеркиваний в тексте здесь нет. По-видимому, он интересовал Блока не отдельными мыслями и фактами, а весь, как целое.

В самом начале книги отчеркивания сделаны преимущественно простым карандашом, но затем «палитра» становится многоцветной: на полях появляются отметки «NB» и «sic». Словесные пометы предельно лаконичны и сделаны только простым карандашом. Некоторые слова при этом сокращены. Они подобны зашифрованным фразам, за которыми скрывается нечто большее и важное для Блока.

Определяя профессора Блока как ученого-искателя, Спекторский писал: «Есть ученые, для которых знание служит источником все новых и новых сомнений, для которых всякий ответ на вопрос является, в свою очередь, новым вопросом, которые неизменно живут в мире неразрешенных и неразрешимых проблем»¹⁷. Именно эта мысль послужила поводом для первого вертикального отчеркивания.

Приведем несколько маргиналий Блока на тексте книги Спекторского (слова, подчеркнутые Блоком, выделены нами курсивом).

В разделе, рассматривающем истоки многих духовных исканий Блока-старшего, поэт наряду с вертикальным и горизонтальным отчеркиванием впервые делает сокращенные словесные пометы на полях, одновременно при этом отчеркивая отдельные слова красным карандашом, словно усиливая свое внимание к тексту. В общем на этой странице маргиналии столь значительны, что их стоит привести полностью. Спекторский, характеризуя время, когда происходило формирование молодого правоведа Блока, писал: «... в эту эпоху окончательно ликвидировались гегельянство и вообще спекулятивный идеализм немецкого происхождения. Вытеснял его позитивизм и реализм с более или менее резко выраженным материалистическим оттенком. Исчезла вера в то, что мысль и бытие равны друг другу и даже тождественны. Вместо умопостигаемого мира понятий и идей, стройно согласованных друг с другом и не допускающих иного столкновения, иной борьбы, кроме «диалектической», происходящей в сфере абсолютного духа, стали видеть и признавать только мир действительности, во всем его будто бы *«наивном»* — так и донныне учит *«холодная спекулятивная академическая философия»*, — но в сущности полного глубокого драматизма реализме». Сноска относится к словесной пометке Блока: «И между проч. „мистич. анарх“».

Далее в тексте следует мысль, настолько привлекавшая внимание поэта, что для отчеркивания им впервые был использован красный карандаш. Так, Спекторский продолжал «Вера в дух, вера в идею более или менее быстро вытеснялась верою в материю. А промежуточное состояние сомнения и иронии надолго сохранилась только у немногих натур, настолько точно организованных, чтобы не принимать за настоящую умственную эмансипацию того, что в действительности было только переходом от одного вида духовного раб-

ства к другому». Далее на полях следует карандашная приписка: «sic». Дважды отчеркнуты слова «сомнения» и «ирония», существенные для характеристики философского мышления не только отца поэта, но и его самого.

Поэт обратил внимание и на вывод Спекторского: «А. Л. Блок был семидесятником, но не торжествующим и самоуверенным, а меланхолическим и сомневающимся, не нашедшим, а все ищущим. . .» Эта фраза отчеркнута вертикально красным карандашом.

В одном из разделов особое внимание Александра Блока привлекает мысль биографа о том, что ученый «задышался в холодной, разреженной атмосфере чисто правовых понятий». Он отчеркивает красным карандашом и то место в тексте, где идет речь о глубокой искренности и безнадёжном пессимизме профессора.

При чтении главы, посвященной подробному изложению книги профессора Блока «Политическая литература в России и о России», очень часто встречаются красные отчеркивания, как вертикальные, так и горизонтальные. Мимо внимания поэта не прошло сообщение, что профессор Блок любил «иронизировать над склонностью панславистов «объясняться преимущественно в стихах». Не могло оставить его равнодушным и то, что Александр Львович ставил своей задачей «примирить славянофилов и западников в разрешении той великой мировой загадки, которой имя — Россия». Быть может, именно по прочтении этого раздела и было им написано письмо Спекторскому с провозительными в своем откровении словами о том, что он сам далеко не чужд идеям и стилю книги, *кровно связан с наследием отца* (см. с. 396).

Там, где шла речь и о главном недостатке славянофилов, идеализирующих русскую старину и не видящих «грядущего величия» России, Александром Блоком сделано косое отчеркивание красным карандашом целой страницы, при этом на полях — приписка следующего содержания: «Все большие места и тупики». Несмотря на лаконичность, эта помета достаточно знаменательна — за ней скрыто глубинное единомыслие двух поколений в вопросе о России и ее грядущей судьбе.

В разделе «Политика в кругу наук» наиболее часты красные отчеркивания Блока. Нередко можно встретить на полях и знак «NB». Первый раз он сделан поэтом против следующей мысли автора книги: «Специальный и любимый прием А. Л. Блока состоял в том, чтобы отыскивать подтверждение схемы не столько у ее очевидных союзников, сколько у ее несомненных противников: он торжествовал, когда ему удавалось подтвердить объективную правильность своей схемы при посредстве подлинных слов и обмолвок».

И далее, излагая взгляды профессора Блока на роль политики в жизни людей, Спекторский утверждал: «Оздоровляющее влияние политической среды состоит в том, что благодаря своему нередко беспощадному и грубому реализму, она излечивает сознание от идеалистических иллюзий, от метафизики и мечтательности и сосредотачивает их на конкретной реальной действительности». Эта мысль ученого в пересказе его биографа — также была не только отчеркнута поэтом, но и помечена значком «NB».

Особенно много помет в разделах, посвященных классификации наук. Именно здесь поэт применяет многоцветное отчеркивание, именно здесь наиболее часто встречаются на полях знаки: «NB» и «sic». Все это свидетельствует не только о чтении, но об изучении книги Спекторского.

Философские определения отдельных наук и их скрытые и явные взаимосвязи, парадоксальность выводов, цитаты из Фета и Герцена, Белинского и Пушкина в книге об Александре Львовиче — все вызывает живую и непосредственную реакцию Блока. После прочтения заметно обогатились прежние его представления о богатой духовной жизни отца, вызывая новые ассоциации, размышления. Знакомство с пометами Блока на книге об отце позволяет глубже понять истоки его дневниковой записи от 26 декабря 1911 г., где дается емкая характеристика Блока-старшего как своеобразный итог осмысления прочитанного: «Отец мой — наследник (Дермонтова), Грибоедова, Чаадаева, конечно. Он демонски изобразил это в своей незаурядной «классификации наук»: есть сияющие вершины (истина, красота и добро), но вы, люди, — свиньи, и для вас все это слишком высокое, и вы гораздо правильнее поступаете, руководясь в своей *политической по преимуществу* (верх жестокости и пронии) жизни отдаленными идеалами. . . юридическими (!!) Это ли не демонизм? Вы слепы, вы несчастны, копайтесь в политике (ласкающая печаль демона) и не поднимайте рыла к сияющим вершинам (надмирная улыбка презрения — демон сам залег в горах, «людям» туда пути нет). Все это — в несчастной оболочке А. Л. Блока,

«весьма грешной, похотливой... Пестрая, пестрая жизнь, острая «полоса дамасской стали», жестокая, пронзающая все сердца» (VII, 112).

Эта страница дневника написана уже после того как было отправлено письмо к Спекторскому с первыми впечатлениями о прочитанном, и тем не менее оба эти документа тесно связаны.

Подробный анализ всех помет Блока на книге Спекторского — предмет самостоятельного исследования.

К марту 1912 г. относится последнее из сохранившихся ответных писем Спекторского к поэту. В нем сообщается о том, что профессор Тарановский обещал написать рецензию на книгу о профессоре Блоке, но отзыв этот в печати не появился. Изучение писем Тарановского в архиве Спекторского обнаружило разногласия между рецензентом и автором. Словно продолжая начатый в личной беседе спор, Тарановский писал: «...Вы делаете натяжку, умалчивая о том, как Блок» был гегельянцем и последователем утопического социализма»¹⁸. По лаконичным замечаниям Тарановского видно, что он считал личность профессора Блока значительно более сложной, противоречивой и яркой, чем тот «слепок» с подлинника, какой удалось сделать Спекторскому в биографическом очерке об учителе. Но в публичную полемику Тарановский, видимо, не считал необходимым вступить и рецензию не опубликовал.

После марта 1912 г. переписка Блока и Спекторского обрывается. Никаких, даже косвенных данных об их личных встречах после декабря 1909 г. нет. Правомерно предположить, что в действительности переписка поэта с учеником отца была значительно и шире, чем то, что позволил обнаружить архив Спекторского. Быть может, этот фонд является только частью полного архива ученого, местонахождение которого пока неизвестно. Ниже приводятся тексты дошедших до нас писем Блока Спекторскому (ЦНБ АН УССР, ф. 43, № 1—3).

В архиве Спекторского нами обнаружен также ряд материалов, которые касаются личности бывшего ученика А. Л. Блока — профессора государственного права Михаила Андреевича Рейснера, с которым поэт Блок был лично знаком.

В 1893 г. М. А. Рейснер успешно завершил первую научную работу под руководством Александра Львовича Блока. Спустя годы, характеризуя личность учителя, Рейснер в автобиографии напишет: «Проф. Блок совмещал в себе причудливым образом громадную эрудицию, материалистический скепсис и славянофильство: социолог-позитивист по исходной точке и романтик в практических выводах»¹⁹.

К 1900 г. серьезные идейные разногласия привели к отчужденности между учеником и учителем. Не сразу М. А. Рейснер пришел к марксизму. Этому непосредственно способствовало личное знакомство с Карлом Либкнехтом, участие в качестве эксперта по русскому праву на Кенигсбергском процессе и долгие часы раздумий и сомнений. Тем не менее в своей монографии по истории политических учений Запада Рейснер считал необходимым особо отметить, что в качестве основного метода им использован социологический метод позитивизма профессора Блока. Несмотря на годы разобщения, Рейснер никогда не забывал своего первого научного руководителя. Недаром Спекторский, будучи студентом уже другого поколения, в своей монографии подчеркивал, что «при всем различии путей, избранных каждым из них для своих научных работ, все они более или менее сознательно продолжают оставаться в *духовном родстве* с А. Л. Блоком, не прекращающемся даже и тогда, когда они принципиально с ним расходятся»²⁰.

В 1908 г. Рейснер возвратился из эмиграции. Он читал лекции в Петербургском университете по истории политических учений, часто выступал на страницах печати как публицист по вопросам вероисповедания в России. В это же время он бывал на заседаниях Религиозно-философского общества, где осенью 1908 г. познакомился с Блоком.

Выступление Блока в обществе с чтением реферата «Народ и интеллигенция» сразу же привлекло к себе внимание общественности. Полемика была неизбежна и естественна. Одним из первых в прениях выступил профессор Рейснер. С запальчивостью и резкостью он бросил поэту ряд обвинений, с которыми Блок не мог согласиться. Запись от 22 декабря 1908 г. лишь в малой степени приоткрывает путь возникших разногласий и последовавших за ними переживаний поэта (ЗК, 125—126).

В архиве видного русского историка и публициста — Николая Ивановича Кареева (1850—1931) нами обнаружено письмо профессора Блока, написанное осенью 1886 г.

(ГБЛ, ф. 119, п. 9, № 28). Этот документ дополняет новыми штрихами портрет, созданный в книге Спекторского.

А. Л. Блок и Н. И. Кареев начали свою педагогическую и научную карьеру в стенах одного и того же Варшавского университета. 5 сентября 1879 г. Кареевым была прочитана пробная лекция на тему «Формула прогресса в изучении истории». Он был допущен ученым советом к чтению лекций по всеобщей истории на юридическом и историко-филологическом факультетах. Одновременно с ним молодой доцент Блок приступил к ведению занятий по государственному праву. Годы совместной работы заметно сблизили их.

Примечательно, что весной 1885 г. оба покидали Варшаву: Кареев спешно собирался в Петербург, куда был приглашен как профессор всеобщей истории, Блок — в многомесячную научную командировку по городам Западной Европы. Возвратившись только к осени 1886 г., А. Л. Блок остро переживал разлуку и решил написать о своих впечатлениях бывшему коллеге по университету. Судя по начальным строчкам, их переписка в это время была достаточно регулярной.

Сохранившееся письмо приоткрывает мир духовных исканий отца поэта. В частности, он пишет об увлеченности, с которой работает над какой-то рукописью. «Пишу больше для «потомства» и потому боюсь спешить». Весь тон письма отличается редкой для характера Блока-старшего доверительностью и откровенностью. Он писал: «Я далек от всякого разбачарования в своей «Грядущей политике», что ли, далек и от самодовольного «очарования», но разные «современники» до того мне опротивели своею узостью, межкотой и пошлостью. . .»

Письмо относится к тому периоду, когда едва утихли отклики в печати на книгу «Политическая литература в России и о России». К слову сказать, одним из первых, кто написал отзыв на нее, был Кареев. В своей статье «Мечта и правда о русской науке» на страницах журнала «Русская мысль» он отмечал: «По чисто русской оригинальности многих взглядов г. Блока на нашу историю, на нашу современность, на наше всемирно-историческое призвание «Политическая литература в России и о России» заслуживает внимательного отношения со стороны критики, хотя бы последняя в частности и не всегда была согласна с г. Блоком. Мы осмеливаемся утверждать, что в этой книжке проявляются черты именно *русской науки*»²¹.

В архиве историка сохранились воспоминания Кареева, где, касаясь прожитых лет в Варшаве, он вспоминает и молодого тогда доцента Блока. Кареев писал: «С Блоком в варшавские годы я был довольно близок, но потом потерял его из виду. . . Блок был очень интересный собеседник, любивший серьезные научные разговоры, очень часто приходивший ко мне пофилософствовать»²². Под непосредственным впечатлением таких бесед и родилась сначала лекция Кареева «О духе русской науки», а потом статья на страницах «Русской мысли». Историк считал необходимым особо отметить: «В книге А. Л. Блока мы имеем так сказать своего рода *философию русской истории* — от признания варягов до современности, до настоящего и возможного в будущем величия России»²³.

В письме А. Л. Блока к Карееву обращают внимание его слова, касающиеся поисков выразительных средств при изложении научных концепций. Об «оркестровке главы» мог сказать скорее *художник*, нежели ученый-аналитик. Его стремление «найти себя в себе» еще раз доказывает подлинную артистичность натуры, на которую единодушно указывали его современники и которую в полной мере унаследовал сын.

Недаром Спекторский позже писал: «Связь содержания и формы была для него не случайной, искусственной, внешнею унией, а живым органическим целым, язык его, как в этом могут убедиться читатели его книг, особенно второй, поражал как богатством и неожиданностью ассоциаций и сближений, так и необыкновенной сжатостью. Он принадлежал к числу авторов, готовых проводить бессонные ночи над литературною отделкой своих фраз»²⁴. Кроме того, Спекторский вспоминал, что «< . . . > гармония стиха или мелодии нередко совершенно отвлекала» Александра Львовича от суровой прозаической действительности, «а также связанных с нею практических дел и увлекала его в мир грез»²⁵. Во фразе Спекторского о второй книге профессора Блока «прежде всего интересен ее стиль», — последнее слово подчеркнуто поэтом Блоком красным карандашом²⁶.

О литературном стиле отца поэт писал в автобиографии: «Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, — отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного

труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которые искал» (VII, 12).

Публикуемые ниже письма Блока Е. В. Спекторскому дают дополнительный материал для исследования творческой истории поэмы «Возмездие».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦНБ АН УССР, ф. 43, № 192, л. 1.
- ² ЦНБ АН УССР, ф. 43, III, 56745, л. 1.
- ³ Имеется в виду литографированное издание «Русское государственное право». Записки по лекциям проф. Блока. Варшава, 1902.
- ⁴ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911, с. 12.
- ⁵ «Письма к родным», I, с. 135.
- ⁶ ГЛМ, ф. 8, № оф. 4557/1.
- ⁷ «Письма к родным», I, с. 285.
- ⁸ ГЛМ, ф. 8, № оф. 4557/2.
- ⁹ «Письма к родным», I, с. 296.
- ¹⁰ Там же, с. 287.
- ¹¹ Adam Galis. Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie. Warszawa, 1976.
- ¹² «Варшавский дневник», 1909, № 333, с. 2.
- ¹³ Русская литература, 1977, № 3, с. 188—191.
- ¹⁴ А. Галис. Указ. соч.
- ¹⁵ ГЛМ, ф. 8, № оф. 4557/3.
- ¹⁶ Там же, 4557/4.
- ¹⁷ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ, с. 6.
- ¹⁸ ЦНБ АН УССР, ф. 43, III, 56745—56801, л. 62.
- ¹⁹ Энциклопедический словарь Русского библиотечного дела «Гранат», т. 41, ч. 2, с. 198.
- ²⁰ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ, с. 5.
- ²¹ «Русская мысль», 1884, № 12, с. 100—135.
- ²² ГЛМ, ф. 119, л. 44, № 5, л. 209.
- ²³ «Русская мысль», 1884, № 12, указ. статья.
- ²⁴ Е. В. Спекторский. А. Л. Блок, государствовед и философ, с. 13.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.

1

19 ноября, 1909. Петербург

Многоуважаемый Евгений Васильевич, приношу Вам мою глубокую признательность за Ваше письмо. О болезни отца я узнал еще вчера от М. Т. Блок¹ и сегодня сочту своим долгом сообщить ей содержание Вашего письма. Разумеется, предупредив ее, чтобы она не говорила о нем отцу. Сообщить же я ей должен о Вашем письме не только по внутренним, но и по внешним причинам, т. к. сегодня вечером она едет в Варшаву и не знает точно, где отец.

Позвольте мне просить Вас еще сообщить мне хотя бы кратко в случае какого-либо резкого поворота болезни. В декабре буду искать свидания с Вами. Буду рад, если Вы заедете ко мне и с одинаковой готовностью приеду к Вам в Царское² в удобный для Вас день. Спасибо еще раз за общение очень важное для меня.

Искренне Вас уважающий Александр Блок

¹ Мария Тимофеевна Блок (урожд. Беляева) — (1876—1922), вторая жена А. Л. Блока.

² В Царском Селе жили родные Е. В. Спекторского, и он там часто бывал.

2

«9 декабря 1909, Варшава»¹

Многоуважаемый Евгений Васильевич.

Я заходил к Вам просить извинения за то, что не приду вечером. Чувствую себя совсем скверно и вяло сегодня, не пошел даже на кладбище. Извините меня.

Преданный Вам А. Блок

Е. СПЕКТОРСКИЙ. ОЧЕРКИ ПО
ФИЛОСОФИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК.
ВЫП. I. ВАРШАВА, 1907

С дарственной надписью: «Многоуважаемому
Александру Александровичу Блоку от а в
т о р а»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Е. СПЕКТОРСКИЙ. АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ
БЛОК, ГОСУДАРСТВОВЕД И ФИЛОСОФ,
ВАРШАВА, 1911

С дарственной надписью: «Многоуважаемому
Леониду Николаевичу Беркуту от а в т о р а».

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

¹ В этот день Блок написал еще два письма: одно в Ревель матери, другое — в Петербург жене.

Матери он писал: «. . .» Я приеду к тебе в Ревель на Рождество и буду рассказывать много интересных вещей, а также привезу тебе грудку твоих писем, карточек, часть платья и несколько вещей. Писем я, разумеется, не читал, думаю, что тебе это будет неприятно. Все это пока не разобрано и лежит в моем чемодане. Я все время узнаю очень много об отце и нахожу его очень интересным, цельным и даже сильным человеком» («Письма к родным», I, с. 293).

В письме к Л. Д. Менделеевой Блок признавался: «. . .» Я живу как-то по-новому, вижу много «обыкновенных» людей и — к удивлению — очень интересуюсь ими. Чувствую себя большкшей частью молодым. . .» (ЛН, т. 89, с. 252).

Многоуважаемый Евгений Васильевич. Читаю Вашу прекрасную книгу об отце ¹ и имею потребность горячо позвать Вам руку и в качестве просто читателя, далеко не чуждого идеям и стилю книги, и в качестве сына А. Л., кровно связанного с его наследием, более, пожалуй, чем Вы это можете предполагать. Не чувствуя себя вправе рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою «тень отца» и другую ее «апологию», которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша, — «музыкальной» и, так сказать, «от противного» ². Сообщая Вам это, прошу Вас лучше не говорить об этом посторонним: лучше, чтобы

иние не предполагали ничего биографического, если им и попадется когда-нибудь в руки моя будущая книжка³.

Пока что я уже роздал 12 экз «эмпляров» Вашей книги. Между прочим, послал для отзыва в те места, куда предполагал, что Вы не пошлете (а между прочим, оттуда можно услышать что-нибудь важное): в «Логос»⁴ (с прибавлением книг отца), в «Русскую мысль»⁵ и С. А. Венгерову⁶ (для руководства при составлении статьи в «Нов. Энциклопед. Словаре»)⁷, которая, очевидно, войдет в 6-ой том, имеющий выйти месяца через два. Еще кое-кому надеюсь я дать Вашу книгу; если у меня не хватит экземпляров, надеюсь позаимствовать у М. Т.⁸, которая едва ли может распространить их с особенной пользой, имея мало интеллигентского знакомства.

Преданный Вам Ал. Блок⁹

¹ Имеется в виду книга Е. В. Спекторского «А. Л. Блок, государствовед и философ». Варшава, 1911.

В предисловии автор, объясняя мотивы, побудившие его писать, отмечал: «Настоящий очерк вызван побуждениями отчасти личного, отчасти общего порядка. Личное побуждение — желание автора, бывшего много лет учеником покойного А. Л. Блока, отдать должную дань уважения памяти своего учителя; этим если не оправдывается, то по крайней мере, объясняется то обстоятельство, что предлагаемый очерк представляет историю одной ученой жизни, но также до известной степени ее *апологию*. Соображения более общего характера состоят во-первых в том, что А. Л. Блок не опубликовал всего того, о чем он думал и писал. Во-вторых, проблемы, занимавшие А. Л., и те даже неудачи, которые он при этом испытывал, весьма характерны для истории нашей сравнительно юной научно-политической мысли».

Пытаясь вскрыть причины неприятия личности профессора Блока большинством окружающих, Спекторский писал: «Являясь во многих случаях личной и публичной жизни живым примером строгой принципиальности, он предпочитал вызывать нарекания со стороны других и причинять страдания самому себе, чем уклоняться от осознанного долга и его осуществления. Такие люди малопопулярны. Их часто избегают. И хотя для них добре — нечто весьма важное, их не считают добрыми. Но их нельзя не уважать. Они являются живым укором, воплощенною совестью для всех тех, кто мало задумывался над серьезностью своего жизненного назначения, как общечеловеческого, так и профессионального».

Данная характеристика своеобразно перекликается с записью Блока в период его работы над «Возмездием». Он писал, обдумывая образ «отца»: «Вот суть: зависимость личной жизни от общества». В тетради, где поэт работал над поэмой, встречается и прозаический набросок, который словно продолжает размышления, высказанные в письме к Спекторскому, по поводу первого видения своего героя. Текст наброска весьма показателен. Он написан весной 1911 г., когда первоначально Блок предполагал назвать будущую поэму коротким словом: «Отец». Вот фрагмент этого наброска: «... На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они — *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа — ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей. Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они — любимцы, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. И они — *предвестники лучшего*». — Цит. по кн.: А. Блок. Возмездие. Пг., 1922, изд-во «Алконост», с. 104.

² Осенью 1911 г. Александр Блок мучительно и напряженно работал над поэмой, которая далеко не сразу получила название «Возмездие». В черновых набросках этого времени немало строк, от которых он впоследствии отказался и не включил в беловой текст. В целом анализ черновиков «Возмездия» при рассмотрении эволюции главного героя — образа «отца» представляет отдельную тему исследования. И тем не менее некоторые моменты важны в связи с письмом поэта биографу и ученику отца. Обращают внимание следующие сбивчивые строки Блока:

«Что было в этой смерти сыну?
и от чего он тосковал?
Стоял он голову склоняя,
Как будто сердце хоронил
[душу закопал]
В чужую пористую глину
и впрямь состарилась душа
И чувствовал, как стынет кровь.

³ Поэма «Возмездие» вышла отдельным изданием после смерти поэта в 1922 г. в издательстве «Алконост». В издание были включены наброски поэмы в форме дневниковых записей, относящиеся к 1911 и 1913 гг.

⁴ «Логос» — международный ежегодник по философии культуры. Издавался на русском и немецком языках. Русское издание: М.—СПб., 1910—1914. Издатели: «Мусатет» и т-во «М. О. Вольф». В № 2-3 за 1911/1912 год было напечатано сообщение о том, что книга Спекторского «А. Л. Блок, государствовед и философ» прислана в редакцию для отзыва. Просмотр последующих выпусков показал, что рецензия напечатана не была.

⁵ «Русская мысль» — ежемесячный литературно-художественный журнал, М.—СПб., 1901—1916. Первый год издания — 1880-й; с 1911 г. редактором и издателем был П. Б. Струве. В некрологе по поводу смерти Александра Блока П. Б. Струве впоследствии написал об отце поэта: «Я никогда лично не знал отца Блока, но читал почти все, что написал этот малоизвестный, неудавшийся профессор-государственник. Он был тоже мечтатель, искавший в государственной науке исхода своим политическим страстям. . . Он был беспорядочным и тяжёлым в общении человеком и плохим семьянином. На его произведениях, забытых и не оказавших почти никакого влияния на русскую науку, но любопытных и индивидуальных, лежит печать тех же черт, которыми отмечена личность Блока: мечтательности и страстности, неспособной к действиям. И даже по идейному содержанию А. А. Блок взял кое-что от отца». (Цит. по кн.: А. Горелов. Гроза над соловьиным садом. Л., 1973, с. 328).

В 1912 г. в № 3 на страницах «Русской мысли» появилась рецензия И. Ильина на книгу Спекторского об отце поэта. В ней отмечалось: «Очерк, посвященный научному жизнеописанию русского ученого и профессора, мало известного широким кругам интеллигенции, но сыгравшего видную роль в университетском преподавании Царства Польского, заслуживает живого внимания со стороны читателя». В частности, рецензент считал, что автору монографии вполне удалось вызвать у читателя живой и неподдельный интерес к «яркой апологии столь интересной индивидуальности» и что эту работу следует понимать как попытку показать те этапы, через которые прошла вся государственная наука в конце XIX в. Примечательны последние строки рецензии: «А. Л. Блок, согласно характеристики г. Спекторского, был одним из тех людей, которые в силу своей разносторонней одаренности и душевной подвижности не укладываются в рамки одной определенной профессии и объективные проявления которой не адекватны скрытой за ними внутренней жизни. Такие люди, если им приходится жить в эпохи безвременья <...> оказываются предоставленными исключительно самим себе и найти то научное и жизненное творческое место, которое дало бы им возможность развернуть все их духовное содержание, становится для них почти невозможным».

⁶ Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) — историк литературы, критик, библиограф. Был одним из редакторов Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Сохранились письма С. А. Венгерова Блоку. В одном из них, от 21 декабря 1909 г., есть такие строки: «Пользуюсь случаем выразить Вам свое соболезнование по случаю кончины отца Вашего, с которым на заре туманной юности встречался у профессора Градовского» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 186, л. 11).

⁷ В «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. 6, с. 901, были помещены краткие биографические сведения об А. Л. Блоке. Автор заметки не указан.

⁸ Имеется в виду вторая жена А. Л. Блока — М. Т. Беляева.

⁹ Все сокращения и разрядка в письме принадлежат А. Блоку. Характерно, что обилие скобок, кавычек и других знаков препинания было в такой же степени присуще и письмам, написанным А. Л. Блоком. Построение отдельных фраз, общее стилевое направление — все отражает единый склад мышления, в целом унаследованный от Блока-старшего. Даже сокращение в подписи было у них одно и то же: «Ал. Блок».